DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.03

УДК 323(47+57)"193"

«ТЕПЕРЬ НЕ ВРЕМЯ ПОМНИТЬ...» БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

О.Л. Лейбович

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 24 ноября 2018 г.
Принята: 24 мая 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

советское общество 1930-х годов,
коллективная память, архаизация
культуры, идеологический аппарат,
историческая политика, политика
забвения, мифологическая культура.

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы определяется необходимостью всестороннего изучения исторической политики Советского государства на всех этапах его существования. Забвение рассматривается как неотъемлемая форма бытования советской политической культуры.

Целью статьи является исследование практик забвения в конструировании новой советской традиции в 1930-х годах. Среди исследовательских задач следует назвать выявление «предметов изъятия» и технологию практик забвения.

Методом исследования служит концепция интерпретации культур К. Гирца, предусматривающая технику «насыщенного описания» явлений действительности.

Источниками служат наряду с литературными текстами 1930-х годов также и материалы партийного делопроизводства, в том числе находящиеся на архивном хранении в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ).

Рассматриваются основные аспекты изъятия из коллективной памяти ненужных имен, сюжетов и ситуаций: переименование географических названий (городов, поселений, административных единиц); замещение прежних языковых форм, изгнание из языка маркеров ушедшей эпохи, уничтожение изображений врагов трудового народа. Процедуры забвения реализовывались властными институтами: партийными комитетами, образовательными учреждениями, карательными органами.

В результате исследования выявлены основания практик забвения, выражающие архаический тренд в общем модернистском проекте конструирования советской культуры.

Миф о рождении нового мира в коллективном сознании советских граждан был призван вытеснить сохранившиеся представления о прошлом, представить социалистическое настоящее как вечное, неизменное и естественное состояние.

С этой целью властные идеологические аппараты вместе с административными органами прилагали целенаправленные усилия, побуждающие людей перестроить память о далеком и близком прошлом, заместить личные воспоминания предписанными кинематографическими и плакатными образами и скорректировать практики говорения об истории по газетному образцу. Эти практики производили ограниченный эффект. Ослабление властного давления выявило поверхностный характер коллективного забвения. В изобретенную традицию были вплетены фрагменты прежней культурной памяти.

© ПНИПУ

© Лейбович Олег Леонидович – доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой культурологии и философии, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>, e-mail: oleg.leibov@gmail.com.

© Oleg L. Leybovich – PhD, Professor, Honored Worker of the Higher Education of the Russian Federation, Head of Cultural Science and Philosophy Department, Principal Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>, e-mail: oleg.leibov@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда. Проект №19-18-00221.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

“NOW IT IS NOT THE TIME TO REMEMBER ...” BOLSHEVIZATION OF HISTORICAL MEMORY IN THE 1920S – 1930S

Oleg L. Leybovich

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation
Institute of History and Archeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 24 November 2018
Accepted: 24 May 2019
Published: 04 October 2019

Keywords:

Soviet society of the 1930s, collective memory, archaization of culture, ideological apparatus, historical policy, politics of oblivion, mythological culture.

ABSTRACT

Relevance of the theme is determined by the need for comprehensive study of the historical policy of the Soviet state at all stages of its existence. Forgetfulness is considered as an integral form of existence of the Soviet political culture.

The purpose of the work is to study the practices of forgetfulness in the construction of a new Soviet tradition in the 1930s. Among the research tasks it is necessary to point out the identification of "objects of exclusion" and the technology of practices of forgetfulness.

The method of research is the concept of interpretation cultures by K. Girtz, which provides the technique of "saturated description" of phenomena of reality.

Sources include the literary texts of the 1930s, as well as party records management materials, including those stored in the Perm State Archives of Social and Political History.

The main aspects of the removal of unnecessary names, subjects and situations from the collective memory are considered: renaming of geographical names (cities, settlements, administrative units); replacement of former language forms, expulsion of markers from the language of the past epoch, destruction of images of enemies of the working people. The procedures of forgetfulness were implemented by the authorities: party committees, educational institutions and repressive agencies.

The following results were obtained.

The foundations of the practices of oblivion, expressing the archaic trend in the general modernist project of construction of Soviet culture, were revealed.

The myth about the birth of a new world in the collective consciousness of Soviet citizens was intended to displace the remaining ideas about the past, to present the socialist present as an eternal, unchanging and natural state.

To this end, the ideological machinery together with the administrative bodies, made purposeful efforts to encourage people to reformat the memory of the distant and near past, to replace personal memories with prescribed cinematic and poster images, and to adjust the practice of speaking about history according to the newspaper model. These practices produced a limited effect. The weakening of power pressure revealed the superficial nature of collective oblivion. Fragments of the former cultural memory were woven into the invented tradition.

© PNRPU

Одной из задач большевистской культурной революции было изобретение новой исторической традиции.

«Изобретенная традиция», – читаем у Э. Хобсбаума, – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени.

И действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом» [1, с. 48].

Советский проект изобретения традиции предполагал новое толкование всей предшествующей российской и мировой истории, создание собственного пантеона культурных героев во главе с Лениным и формирование правильных, с точки зрения власти, способов говорения и описания событий прошлого. «История – величайшее орудие политической борьбы, другого смысла история не имеет», – писал в свое время М.Н. Покровский [Цит по: 2, с. 106]. Слово «борьба» в этом высказывании тогдашнего комиссара исторического фронта было отнюдь не случайным. Оно подсказывало, что для внедрения идеологически верного представления о прошлом не просто допустимы, но и необходимы принудительные меры, в том числе «...насильственное изменение системы ценностей и стереотипов ...сознания» [3, с. 7].

Изобретение традиции складывается из двух процессов: конструирования коллективной памяти о том, что должно было произойти в прошлом, и изгнания из прошлого «лишних» коллизий, сюжетов и персонажей. Можно согласиться с мнением А. Ассман: «Забвение является конститутивным элементом как индивидуальной, так и коллективной памяти» [4, с. 34].

Как власти в тридцатые годы принуждали людей забывать общее прошлое, является темой настоящей статьи. Для ее освещения используются как опубликованные материалы – высказывания партийных вождей, так и материалы архивные – выдержки из стенограмм и протоколов партийных собраний, хранящихся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ).

Забвение прошлого начиналось с топонимики. Прежние названия городов и местностей исчезали не только с географических карт, но и из казенных документов и даже воспоминаний о минувших днях. В анкетах людей, проживших годы до революции, полагалось указывать современное название административных единиц, где они родились: вместо губернии – область; вместо уезда – район. Название населенных пунктов также полагалось писать по-новому. И родившийся в 1906 году в Константинограде заместитель начальника управления НКВД по Свердловской области называл своим местом рождения город Красноград, УССР [5, л. 115].

Причем такая практика ретроспективной деноминации касалась не только анкет и иных личных документов. Биограф советского авиаконструктора Н.Н. Поликарпова в качестве курьеза упоминает выданное его герою в 1927 году взамен утраченного «...свидетельство об окончании в 1916 г. Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина» [6, с. 51].

Впрочем, наименование Петрограда новым советским именем стало в двадцатые – тридцатые годы своеобразной нормой политической речи. Так, И.В. Сталин, выступая перед участниками идеологического совещания в ЦК ВКП(б) в 1938 году, поделился воспоминанием о ранней весне года 1917: «Я хорошо помню наше положение в Ленинграде, – в потемках бродили. Но вот приехал Ленин, дал новую ориентацию, и всем стало ясно: знает партия, куда вести дело, знает партия, куда ей бить. Вот вам, все прояснил» [7, с. 455]. Если слова Сталина понимать буквально, то Временное правительство управляло страной из Ленинграда. Там его в конце концов и свергли. Иначе говоря, бывшая столица Российской империи всегда носила имя Ленина, или хотя бы при его жизни. Впоследствии, однако, от такой практики отказались. В детских стихах С. Михалкова, опубликованных в 1949 году, читаем: «Мы видим город Петроград/ В семнадцатом году:/ Бежит матрос, бежит солдат,/ Стреляют на ходу» [8].

Кроме топонимики, языковые стирания коснулись и множества других предметов и явлений. В стихотворении С.Я. Маршака ребенок обращается к пожилому прохожему: «Что значит, дедушка, «лакей»?/ Спросил один из малышей./ – А что такое «камергер»? –/ Спросил постарше пионер./ – Лакей господским был слугой./ А камергер – вельможей./ Но тот, ребята, и другой –/ Почти одно и то же./ У них различье только в том./ Что первый был в ливрее./ Второй – в мундире золотом./ При шпаге, с анненским крестом./ С Владимиром на шее./ Зачем он, дедушка, носил Владимира на шее?/ Один из мальчиков спросил./ Волнуясь и краснея./ Не понимаешь, вот чудак:/ Владимир был отличья знак:/ «Андрей», «Владимир, Анна»./ Так назывались ордена/ в России в эти времена./ Сказали дети: странно» [9].

Даже слово «моряк» бдительные граждане считали старорежимным. Районный партийный работник доносил на начальника местного отдела НКВД: «Не так давно я выпил один раз и поскандалил дома, то Зайчиков вызвал меня и сказал, что ты брось традицию моряков, и у меня сразу появилось недоверие к Зайчикову, так как теперь нет старых моряков, а есть краснофлотцы, и я честно прослужил долг своей военной службы» [10, л. 208].

Говорить по-большевистски в 1920–1930-е годы означало не только убрать из своего лексикона прежние обращения: «милостивый государь», «сударыня», заменив их «товарищем» и «гражданином», но и отказаться от множества слов, почему-то ассоциирующихся с прежним дореволюционным укладом жизни. Кроме того, полагалось изменить интонацию при устном обращении. Один из отрицательных персонажей романа А.Н. Толстого «Хождение по мукам», «...щегольски одетый военный с крайней вежливостью и вдумчиво-пролетарским обхождением, через каждое слово поминая “товарищ” (причем “товарищ” звучало у него совсем как “граф Соколовский”, “князь Телегин”), ... расспросил о сути дела...» [11]. Подчеркнутая грубость в общении между товарищами была признана хорошим тоном. Сталин публично аттестовал себя: «Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю» [12, с. 375]. Согласно раннему партийному этикету большевики обращались друг к другу на «ты». И только впоследствии вступили в права иные, более традиционные нормы общения. Так, в приветствиях народному комиссару тяжелой промышленности С. Орджоникидзе по случаю его пятидесятилетия чередовались обращения на «вы» и на «ты». ЦК ВКП(б) желал «...Вам, дорогой Григорий Константинович, еще много-много лет вести вперед дело строительства коммунизма» [13]. В свою очередь Президиум ЦИК СССР посылал Орджоникидзе «в день твоего пятидесятилетия горячий привет тебе...» [14]. Всякое проявление сантиментов расценивалось в большевистской среде как недопустимая политическая слабость. М.Н. Покровский писал: «Доброе сердце не принадлежит к числу большевистских добродетелей» [цит по: 15, с. 15].

В большевистской политической культуре 1930-х годов не осталось больше места для какой бы то ни было рыцарственности по отношению к своим прежним политическим противникам. В литературных и речевых практиках их представляли людьми без всяких достоинств, закоренелыми злодеями и мерзавцами. В предшествующие годы В.И. Ленин мог публиковать в «Правде» некролог «Памяти тов. Прошьяна» – левого социалиста-революционера, осужденного заочно «...за участие в контрреволюционном заговоре», а в нем напомнить читателям: «Прошьян выделялся сразу глубокой преданностью революции и социализму» [16, с. 384]. Владимир Маяковский в 1926 году отдал в печать стихи: «Я/ белому/ руку, пожалуй, дам,/пожму, не побрезгав ею./Я лишь усмехнусь: – А здорово вам/наши намылили шею!» [17, с. 137].

Спустя десять лет ситуация изменилась кардинально.

В августе 1936 года был привлечен к партийной, а затем и к уголовной ответственности главный инспектор по качеству завода № 19 им. Сталина А.Г. Баранов. Его обвинили в том, что, рассказывая свою автобиографию, он упомянул, что в 1924 году к партийной ячейке завода «Икар» в Москве был прикреплен нарком почт и телеграфа СССР И.Н. Смирнов, который «...пользовался огромным авторитетом. Кто-то из членов парткома в своем выступлении заявил, что член партии не может так говорить о Смирнове»¹ [18, л. 56об]. А.Г. Баранова ис-

¹ Иван Никитич Смирнов (1881–1936) – старый большевик из рабочих, в социал-демократическом движении с 1899 года. В Гражданскую войну – председатель Сибирского ревкома. В партийной среде его называли тогда «сибирским Лениным». С 1923 – по 1928 год – активный участник и организатор левой оппозиции в РКП(б) – ВКП(б). Исключен из партии и сослан. В 1933 году арестован и приговорен к 5 годам заключения в Суздальском политическом изоляторе. В августе 1936 года выведен на процесс 16, обвинен в подготовке террористических актов против Сталина, Орджоникидзе, Кагановича, Постышева и др. Расстрелян. В некрологе, написанном его товарищем по оппозиции В. Сержем, читаем: «Высокий, худой, белокурый, с небольшой головой, тонкими, мелкими чертами лица, пушистыми усами, мягким ежиком волос, чуть перекошенным пенсне, улыбкой в серых глазах, которая выдавала в немолодом человеке – ребенка, тешившего себя иллюзиями; <...> В 1927 году он был исключен из партии и лишился поста наркома почт и телеграфа. Иван Никитич сдал дела своему преемнику, назначенному партией, и остался без копейки денег. И вот служащий московской биржи труда увидел перед своим окошком немолодого человека в пенсне, который представился как опытный мастер-механик, ищущий работу на одном из заводов, где, как ему точно известно, не хватает высококвалифицированных рабочих. Служащий стал заполнять анкету. «Ваше прежнее место работы?» – спросил он соискателя. «Нарком почт и телеграфа...» [19].

ключили из партии «...как законченного и неразужившегося троцкиста» [20, л. 67]. Согласно этой логике обвиненные в заговорщической деятельности люди из ленинского и сталинского окружения вымарывались из истории. Если их и упоминали в прошедших цензуре текстах, то именно как заговорщиков, шпионов и провокаторов, сознательно вредивших делу социализма. У них якобы никогда не было влияния в партии, настоящие большевики относились к ним с презрением и недоверием.

Со временем в это поверили не только члены парткома завода им. Сталина, но и партийные руководители нового поколения. В воспоминаниях сына Н.С. Хрущева есть характерный эпизод, связанный с изданием повести Э. Казакевича «Синяя тетрадь», среди персонажей которой были Ленин и Зиновьев, вместе скрывавшиеся от агентов Временного правительства в Разливе. В рецензии на повесть подчеркивалось, что «Казакевич использовал реальную ситуацию для того, «чтобы разоблачить сущность оппортунизма, развенчать любых предателей революции, даже если они находятся в близком окружении Ленина». Свой замысел писатель прямо связал с задачами, выдвинутыми Совещанием коммунистических и рабочих партий в 1957 году. Он был уверен, что, «утверждая ленинские взгляды на диктатуру пролетариата, „Синяя тетрадь“ бьет и по ревизионизму, склонному обелять оппортунистов прошлого, частенько ссылаясь на их личную близость к Ленину, и по догматикам, боящимся правдивого изложения фактов истории, поскольку эти факты не влезают в их сухие, упрощенные, бесплодные схемы» [21]. В общем, повесть была выдержана в строго партийном духе. Зиновьев был изображен оппортунистом, готовым к предательству. Однако публиковать повесть не разрешали.

«В повести Ленин обращается к Зиновьеву “товарищ”. Цензура потребовала не только снять обращение “товарищ”, но и вообще исключить из текста Зиновьева. Казакевич воспротивился, разгорелся скандал». Отдел культуры ЦК поддержал цензоров. «Суслов встал на сторону отдела, отец – нет. Он вынес вопрос на заседание Президиума ЦК. В своем выступлении отец возмущался: Как же прикажете Ленину называть Зиновьева, если не товарищ? “Будущий враг народа”? Суслов промолчал, не стал связываться с Хрущевым, и повесть пошла в набор» [22].

В первые годы революции новая власть вступила на путь борьбы со скульптурным наследием прежней эпохи. В апреле 1918 года Совнарком принял декрет «О памятниках Республики», в котором предписывалось специальной комиссии «...определить список и снять памятники, не представляющие исторической и художественной ценности, воздвигнутые в честь царей и их слуг» [23]. В сносе памятника в Кремле принимал участие глава правительства В.И. Ленин [24, с. 87].

Такая же судьба постигла и портреты членов царствующей династии, сановников и генералов, а впоследствии к ним были присоединены и изображения партийных вождей. «Кроме того, изъяты портреты Троцкого, Зиновьева, Каменева, Николая II и других князей», – докладывали секретарю Ворошиловского райкома ВКП(б) (г. Березники) из Усть-Боровска [25, л. 182]. Бдительный инженер завода № 19 сообщал пленуму Сталинского районного комитета: «Я сегодня был в Молотовской больнице, видел, что там висит картина, которая, на первый взгляд, ничего не представляющая особенного. В Колонном зале гроб т. Ленина. А кто же стоит на первом плане – Зиновьев. Зиновьев на первом месте у гроба т. Ленина, и эта картина висит на самом видном месте» [26, л. 10–9]. Речь шла об известном полотне «У гроба вождя» кисти Исаака Бродского. Там действительно были изображены тогдашние руководители партии – и среди них Г.Е. Зиновьев, правда, не на первом плане. С нее было сделано множество копий. Причем автор «...нанимал художников для копирования собственных картин» [27, с. 13].

Запретные портреты искали в клубах, в присутственных местах, в книгах, в кинохронике, даже на теле. «Первичная организация Горкома исключила из партии Кузнецова, который

носил несколько лет на руке татуировку Троцкого», – докладывала пленуму Лысьвенского горкома ВКП(б) секретарь его первичной организации [28, л. 51].

Истребление портретов имело прежде всего символическое значение. Изображенный на нем человек удалялся из коллективной памяти, перемещался в темную, закрытую для глаза область небытия. И если зловещая тень из тьмы вдруг обретала черты лица, внешность и фигуру, она превращалась в вурдалака – губителя живых душ. Так, бывший секретарь заводского парткома испытал потрясение, увидев в 1983 году в витрине заводского музея фото расстрелянного директора. Стало быть, он уже не враг народа [29].

Такая процедура релевантна по своей природе архаическому сознанию – мифологическому представлению о мире, в котором под общим солнцем кружатся нескончаемым хороводом вместе с предками их наследники, а за линией горизонта начинается злое темное царство нежитей. «Архаический ритуал не распался, сфера религиозных представлений не отделилась от сферы норм и ценностей, знаний о мире, технологий, художественной культуры. Все объединено со всем, и ничто не существует самостоятельно. Естественно, нет и отдельной личности» [30, с. 37]. В культуре такого рода время становится циклическим; для истории не остается места.

Исаак Бродский. «У гроба вождя»

М.А. Лифшиц, бывший человеком сталинской эпохи – ее современником и созидателем, – на склоне лет заметил: «До 1953 года мы жили в вечном сегодня. Оно началось с Октября, и если происходили какие-нибудь изменения, нам хорошо известные, мы их не сознавали как страницы истории. Для этого были не только внутренние основания, в значительной степени иллюзорные. За этим вечным сегодня стояли грозные силы, которые не допускали мысли о том, что сегодня может иметь свою историю, что вчера оно могло быть в чем-то несовершенным, исторически относительным или вообще не равным себе. Ведь при таком допущении можно было бы найти в себе какие-нибудь критические доводы и по отношению [к] более конкретному и реальному сегодняшнему дню. Поэтому нужно было иметь плохую память.

Резкие изменения курса жизни стирали одно поверх другого как записи на магнитной пленке, а пленка оставалась одной и той же. Внешность была такова, как будто все от века было одинаково и малейшие попытки внести какую-нибудь конкретность в это непрерывное присутствие, presence, казалось, режут ухо» [31, с. 138].

«Грозные силы», упомянутые М.А. Лифшицем, – это власть в ее партийно-карательном облики, власть, внушающая ужас. «Внутренние основания», называемые им «иллюзорными», можно интерпретировать как предустановку, сформировавшуюся в коллективном сознании партийной интеллигенции, ее готовность воспринимать сложившийся социальный порядок как вечный, незыблемый, единственно правильный, не поддающийся каким бы то ни было изменениям. Речь идет о мифологизации действительности, но мифологизации особого рода, обернутой в рациональные формы исторической закономерности, нуждающейся в аргументации, а стало быть, лишенной естественности и очевидности подлинного мифа. Впрочем, такая же оценка кажется справедливой и для исторической забывчивости. Стоило прозвучать сигналу XX съезда КПСС, как в памяти партийцев всплыли, казалось бы, навсегда забытые имена.

Список литературы

1. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
2. Артизов А.Н. Критики М.Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 102–119.
3. Павлова, И.П. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти. Историко-архивный альманах. Вып. 3. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 1997. – С. 4–36.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
5. Из обзорной справки по архивно-следственному делу №975188 г. Свердловск 14 02 1955 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1.Д.15357. Т.2.Л.115 – 120.
6. Иванов В. П. Неизвестный Поликарпов. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 864 с. (Война и мы. Авиаконструкторы).
7. Из выступления И.В. Сталина, 1 октября 1938 г. // Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. / сост. М. В. Зеленев, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)», 1931–1956. – С. 452–466.
8. Михалков С. В музее Ленина (стихотворение). 1949 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=vmuzeevi> (дата обращения: 29.10.2018).
9. Маршак С.Я. Быль-небылица. Разговор в парадном подъезде (стихотворение) 1947 [Электронный ресурс]. – URL: https://pikabu.ru/story/byilbyilitsa_5482004 (дата обращения: 29.10.2018).
10. Из протокола общего закрытого собрания членов и кандидатов ВКП(б) Щучье-Озерского района. 29 ноября – 1 декабря 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 47. Л. 207–208.
11. Толстой А.Н. Хожение по мукам. Кн. 2. Восемнадцатый год [Электронный ресурс]. – URL: <http://libbabr.com/?book=2841> (дата обращения: 29.10.2018).
12. Сталин И.В. Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б). 23 декабря 1925 г. / И.В. Сталин Сочинения. Т. 7. – М.: ГИПЛ, 1952. – С. 353–391.
13. ЦК ВКП(б) – товарищу Григорию Константиновичу Орджоникидзе // Правда. – 28.10.1936. – С. 1.

14. Президиум ЦИК Союза ССР – товарищу Серго // Правда. – 28.10.1936. – С. 1.
15. Литвин А.Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1994. – 191 с.
16. Ленин В.И. Памяти тов. Прошьяна / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 384–385.
17. Маяковский В.В. Взятчики. Стихотворение. 1926 / В. Маяковский. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. Стихотворения второй половины 1925 года – 1926 года и очерки об Америке. – М.: ГИХЛ, 1957. – С. 134–138.
18. Дополнительные показания Баранова А.Г. от 17 X 1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 55–56об.
19. Серж В. Иван Никитич. 29–30 августа 1936 [Электронный ресурс] // В. Серж. Ежедневные статьи в газете «La Wallonie» (1936–1940). – URL: https://victor-serge.livejournal.com/1533.html#_ftn4 (дата обращения: 29.10.2018).
20. Баранов – Морзо. 27.08.1936. Машинопись. Копия // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 63–69.
21. Комментарии к повести Э. Казакевича «Синяя тетрадь» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/24704/22/Kazakevich_-_Sinyaya_tetrad%27.html (дата обращения: 31.10.2018).
22. Хрущев С.Н. Никита Хрущев – реформатор [Электронный ресурс]. – М.: Время, 2010. – 1080 с. – URL: <https://litlife.club/br/?b=148518&p=303> (дата обращения: 31.10.2018).
23. О памятниках республики. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР. 12 апреля 1918 г. // Известия ВЦИК Советов. – 14.04.1918. – С. 1.
24. Романюк С.К. Москва. Утраты. – М.: Центр, 1992. – 336 с.
25. Антропов – Самарскому. Усть-Боровск. 28.02.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 301. Л. 182.
26. Стенограмма пленума Сталинского райкома ВКП(б) 28.08.1936 // ПермГАНИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–1.
27. Булдаков В.П. От приурочения к диктату: власть и культура в 1920-е годы // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: материалы IX междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. / Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина. – М., 2017. – 741 с. – (История сталинизма. Дебаты). – С. 6–19.
28. Приложение к протоколу №3 заседания пленума Лысьвенского ГК ВКП(б). 10–11 июля 1937 // ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 19. Д. 5. Л. 51.
29. Логинов А. – Силиной Т.Ю. 5 02. 1988. Копия. Машинопись // Личный архив Г.Ф. Станковской. Л. 6.
30. История и историческое сознание / под общ. ред. И.М. Клямкина; Фонд «Либеральная миссия». – М., 2012. – 480 с.
31. Лифшиц Мих. *Varia*. – М.: Grundrisse, 2010. – 172 с.

References

1. Hobsbawm E. izobretenie traditsii [The invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 1, pp. 47–62.
2. Artizov A.N. Kritiki M.N. Pokrovskogo i ego shkoly (K istorii voprosa) [Critics of M. N. Pokrovsky and his school (On the history of the issue)]. *Istoriia SSSR*, 1991, no. 1, pp. 102–119.
3. Pavlova I.P. Stalinskie repressii kak sposob preobrazovaniia obshchestva [Stalinist repression as a way of transforming society]. *Vozvrashchenie Pamiati. Istorikoarkhivnyi Al'manakh*. Novosibirsk, Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk, 1997, iss.3, pp. 4–36.
4. Assman A. Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaiia politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p.

5. Iz obzornoi spravki po arkhivno-sledstvennomu delu no.975188 g. Sverdlovsk 14 02 1955 [From the review certificate on the archive-investigative case No. 975188 of Sverdlovsk 14 02 1955]. *PermGASPI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii)*, f. 641/1, op.1, d.15357, t. 2, l.115 – 120.
6. Ivanov V.P. Neizvestnyi Polikarpov [Unknown Polikarpov]. Moscow, lauza: Eksmo, 2009, 864 p.
7. Zelenov M. V., Brandenberger D. Iz vystupleniia I.V. Stalina, 1 oktiabria 1938 g [From a speech by I.V. Stalin, October 1, 1938]. «*Kratkii Kurs Istorii VKP(b)*». *Tekst i Ego Istorii*. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia, 2014, part 1: 1931–1956, pp. 452 – 466.
8. Mikhalkov S. V muzee Lenina (stikhotvorenie). 1949 [In the Lenin Museum (poem). 1949], available at: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=vmuzeevi> (accessed 29 October 2018).
9. Marshak S.Ia. Byl'-nebylitsa. Razgovor v paradnom podezde (stikhotvorenie) 1947 [Fiction is fiction. A conversation in the front door (poem) 1947], available at: https://pikabu.ru/story/bylbylitsa_5482004 (accessed 29 October 2018).
10. Iz protokola obshchego zakrytogo sobraniia chlenov i kandidatov VKP(b) Shchuch'e-Ozerskogo raiona. 29 noiabria – 1 dekabria 1937g. [From the minutes of the general closed meeting of members and candidates of the CPSU (b) Shchuchye-Ozersky district. November 29 - December 1, 1937]. *PermGASPI*, f. 596, op.1, d.47, l. 207 – 208.
11. Tolstoi A.N. Khozhdenie po mukam. Book 2. Vosemnadtsatyi god [The Road to Calvary. Book 2. The eighteenth year], available at: <http://libbabr.com/?book=2841> (accessed 29 October 2018).
12. Stalin I.V. Zakliuchitel'noe slovo po politicheskomu otchetu Tsentral'nogo Komiteta XIV sezdru VKP(b). 23 dekabria 1925 g. [Closing remarks on the political report of the Central Committee to the Fourteenth Congress of the CPSU (B.). December 23, 1925]. *Sochineniia*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952, vol. 7, pp. 353 – 391.
13. TsK VKP(b) – tovarishchu Grigoriu Konstantinovichu Ordzhonikidze [The Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks - to comrade Grigory Konstantinovich Ordzhonikidze]. *Pravda*, 28 10 1936, 1 p.
14. Prezidium TsIK Soiuza SSR – tovarishchu Sergo [The Presidium of the CEC of the Union of the SSR - Comrade Sergo]. *Pravda*, 28 10 1936, 1 p.
15. Litvin A.L. Bez prava na mysl'. (Istoriki v epokhu Bol'shogo terror. Ocherki sudeb) [Without the right to thought. (Historians in the era of the Great Terror. Essays on fate)]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994, 191 p.
16. Lenin V.I. Pamiati tovarishcha Prosh'iana [In memory of comrade Proshyana]. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Politizdat, 1969, vol. 37, pp. 384 – 385.
17. Maiakovskii V.V. Vziatochniki. Stikhotvorenie 1926 [Bribe takers. Poem. 1926]. *Polnoe sobranie sochinenii. Stikhotvoreniia vtoroi poloviny 1925 goda – 1926 goda i ocherki ob Amerike*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1957, vol.7, pp. 134 – 138.
18. Dopolnitel'nye pokazaniia Baranova A.G. ot 17 X 1936 g. [Additional evidence Baranova A.G. from 17 X 1936]. *PermGASPI*. F.641/1. Op. 1.D.14399L.55. – 56ob.
19. Serzh V. Ivan Nikitich. 29 – 30 avgusta 1936 [Ivan Nikitich. August 29 - 30, 1936]. V. Serzh Ezhenedel'nye stat'i v gazete "La Wallonie" 1936-1940, available at: https://victor-serge.livejournal.com/1533.html#_ftn4 (access 29 October 2018).
20. Baranov – Morzo. 27 08 1936. Mashinopis'. Kopia. [Baranov - Morzo. 27.08.1936. Typewriting. Copy.]. *PermGASPI*, f.641/1, op. 1, d.14399, l. 63 – 69.
21. Kommentarii k povesti E. Kazakevicha «Siniiaia tetrad'» [Comments on the story of E. Kazakevich "Blue Notebook"], available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/24704/22/Kazakevich_-_Siniaya_tetrad%27.html (accessed 31 October 2018).
22. Khrushchev S.N. Nikita Khrushchev – reformator [Nikita Khrushchev is a reformer]. Moscow, Vremia, 2010, 1080 p., available at: <https://litlife.club/br/?b=148518&p=303> (accessed 31 October 2018).
23. O pamiatnikakh respubliki. Dekret Soveta narodnykh komissarov RSFSR. 12 apreilia 1918 g. [On the monuments of the republic. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR. April 12, 1918]. *Izvestiia Vserossiiskogo tsentralnogo ispolnitelnogo komiteta Sovetov*. 14 04 1918, 1 p.
24. Romaniuk S.K. Moskva. Utraty. [Moscow. Losses.]. Moscow, Tsentr, 1992, 336 p.
25. Antropov – Samarskomu. Ust'-Borovsk. 28.02.1937 [Antropov - Samara. Ust-Borovsk. 28.02.1937]. *PermGASPI*, f. 59, op.1, d. 301, l. 182.
26. Stenogramma plenuma Stalinskogo raikoma VKP(b) 28 08 1936 [Transcript of the plenum of the Stalin district committee of the CPSU (b) 28 08 1936]. *PermGANI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii)*, f. 231, op.1, d.1, l.10 – 1.
27. Buldakov V.P. Ot prirucheniiia k diktatu: vlast' i kul'tura v 1920-e gody [From taming to dictatorship: power and culture in the 1920s]. *Kul'tura i Vlast' v SSSR 1920-1950-e gody. Proceedings of the 5th International Scientific Conference*. Saint Petersburg, 24-26 oktiabria 2016 g.; Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2017, 741 p. Pp. 6 – 19.
28. Prilozhenie k protokolu no.3 zasedaniia plenuma Lys'enskogo GK VKP(b). 10 – 11 iuliia 1937 [Appendix to the minutes No. 3 of the meeting of the plenum of the Lysensky GK VKP (b). July 10 - 11, 1937]. *PermGASPI*, f. 85, op.19, d.5. l. 51.
29. Loginov A. – Silinoi T.Iu. 5. 02. 1988. Kopia. Mashinopis'. [Loginov A. - Silina T.Yu. 5 02. 1988. Copy. Typescript.] *Lichnyi Arkhiv G.F. Stankovskoi*. L.6.
30. Istoriiia i istoricheskoe soznanie [History and historical consciousness]. Ed. I.M. Kliamkina. Moscow, Fond «Liberal'naia missiia», 2012, 480 p.
31. Lifshits M. Varia [Varia]. Moscow, Grundrisse, 2010, 172 p.